

ТОЛСТОЙ В БОЛГАРИИ

Обзор В. Велчева (София)

Толстой получил широкую известность в Болгарии еще в последнее десятилетие прошедшего и в первое десятилетие нашего века. Это был напряженный исторический период ускоренного развития капитализма, развития, сопровождавшегося острой идеологической борьбой, невольным участником которой стал великий русский писатель.

Именно в это время переводятся на болгарский язык главные художественные, публицистические и нравственно-философские сочинения Толстого¹ и вызывают оживленные споры в печати. Некоторые произведения, запрещенные к изданию в России, переводятся непосредственно с рукописи, например: «Не могу молчать» и «Круг чтения». В это же время появляются в Болгарии первые представители и проводники «учения» Толстого — толстовцы: молодые люди отказываются от военной службы; создаются трудовые колонии; организуются издательства для пропаганды религиозно-этических взглядов писателя². Почитатели Толстого посещают Ясную Поляну и описывают в печати свои встречи с ним³. Среди его корреспондентов не только известные последователи Толстого — Г. Шопов, Хр. Досев и др. Ему пишут простые болгарские люди, принадлежащие к разным слоям общества и профессиям — учителя и священники, гимназисты и студенты, журналисты и адвокаты, врачи и военные. С ним делится своими мыслями отставной полицейский майор, написавший книгу, направленную против службы в полиции. К Толстому обращается деревенский юноша, который питает отвращение к приобретательству и вступает вследствие этого в конфликт со своими родителями. Отставной офицер просит совета — каким делом ему заняться⁴. Толстого умоляют заступиться за поработенный македонский народ и другие славянские народы⁵; осведомляются о его мнении по вопросу о славянском единстве⁶. Призыв Толстого к отказу от войны включается в программу Радикальной партии и вносится на рассмотрение в Народное собрание⁷.

Несмотря на свое учение о непротавлении злу насилием, Толстой расшатывал устой существовавшего в стране социального «порядка вещей», и охранитель этого порядка, болгарская церковь, не замедлила вступить с ним в борьбу⁸. Со своей стороны, правительство преследовало приверженцев толстовства, присуждая к тюремному заключению тех, кто отказывался нести военную службу⁹. Что касается болгарского пролетариата, то он видел в Толстом своего союзника, отрицающего существующий общественный строй, государство и церковь. Широкое распространение толстовства среди части болгарской интеллигенции вызывало, однако, отпор со стороны Болгарской рабочей социал-демократической партии. В ее органе «Ново време» появились статьи, подчеркивавшие, что «капиталистическое развитие в Болгарии расшатывает самую основу существования мелкой буржуазии», что ее представители, «неспособные возвыситься до понимания новых общественных отношений, впадают либо в политический мелкобуржуазный радикализм и анархизм, либо в толстовский

религиозный мистицизм и анархизм», что толстовство — на руку буржуазии, так как оно выступает против современной классовой борьбы, особенно против классовой борьбы пролетариата¹⁰. В статье «Граф Толстой о нынешнем рабстве» *В. Коларов*, член Болгарской рабочей социал-демократической партии, противопоставил толстовским поискам «царства божия» на земле выработанные научным социализмом методы разрешения социальных противоречий. *В. Коларов* писал, что только социализму суждено уничтожить на деле классовые различия и создать условия для торжества той «любви», о которой мечтает «великий гуманист XIX века — Лев Толстой»¹¹.

Болгарские писатели пролетарского лагеря относились к Толстому с большой сдержанностью. В это время мы не находим высказываний о нем ни у *Д. Полянова*, ни у *Г. Киркова*. *Д. Благоев*, основатель и руководитель болгарской революционной марксистской партии, написал обширную статью о толстовском трактате «Что такое искусство?», в котором увидел «смесь демократизма с мистической реакционностью»¹². Писатели общедемократического лагеря, выражая восхищение творчеством Толстого, ценили его преимущественно как великого художника и гуманиста. Народный поэт *И. Вазов* видел в Толстом «могущественного гения»; он склонен был воспринимать его творчество как стимул для прогресса и высоко ценил пафос романа «Воскресение», правда, преимущественно в этическом плане¹³. Не лишено интереса и то обстоятельство, что, сталкиваясь в повседневной жизни с властью социального зла, народный поэт временами искал спасения в утопиях Толстого о преобразовании общества. В рассказе «Пейзаж» он писал: «...моя исполненная негодования душа искала причины, подлинной причины зла и находила ее именно в этом устройстве мира, представлявшемся мне огромной неправдой... И я бессознательно с благоговением обращал свой взор к сонму великодушных мечтателей толстовцев-утопистов, грезивших о всемирной правде и довольстве, о счастье и других чудесных безумствах...»¹⁴. Обличитель буржуазии, гуманист и демократ *А. Константинов* видел в Толстом проявление духовной мощи славянства, считал личную жизнь великого русского писателя «единственным в своем роде явлением — ни для кого не обязательным примером», ценил в нем стремление «сблизиться с жизнью и мировоззрением простых людей» и утверждал, что под воздействием Толстого «целый легион честных и самоотверженных деятелей ушел в народ», стал жить жизнью народа, отказавшись от личных благ и стремясь по возможности «отрезвить, а тем самым и облагородить массы»¹⁵. *С. Михайловский*, писатель-сатирик и моралист, относившийся отрицательно к некоторым сторонам этических взглядов Толстого и написавший стихотворение против «Крейцеровой сонаты», характеризовал русского писателя как «самого прославленного, самого светлого гения нашей эпохи». Обращаясь к Толстому с просьбой высказаться по македонскому вопросу, Михайловский писал: «Автор „Анны Карениной“, который никогда не отказывал в сочувствии какой-либо борьбе за свободу, который никогда не отказывался поддержать своим великодушным словом борцов за цивилизацию, должен благословить наши усилия, направленные к свержению режима Хамиды»¹⁶. Крупный поэт-революционер *П. К. Яворов*, усердно изучая произведения Толстого наряду с произведениями других «наставников человечества», выступал вместе с тем против толстовской проповеди непротивления¹⁷. Писатель-народник *Т. Г. Вайков*, находившийся под влиянием взглядов Толстого на искусство, произвел переоценку своего творчества и стал относиться отрицательно к некоторым своим прежним произведениям¹⁸. Толстовство, овладевшее частью болгарской интеллигенции и ставшее ее мировоззрением и принципом поведения в жизни, послужило в это время

«ВОСКРЕСЕНИЕ», БОЛГАРСКОЕ
ИЗДАНИЕ (СОФИЯ, 1947)
Перевод Людмила Стоянова
Суперобложка

объектом изображения для некоторых писателей. Так, например, *И. Вазов* в романе «Новая земля» рисует в образе Ченчева поэта-некрасовца; в романе «Казаларская царица» он изображает в лице Чакалова героя с духовным складом толстовца. В известном смысле восприятие жизни в духе учения Толстого можно видеть в Савве Поповиче из драмы *П. К. Яворова* «Как грянет гром и как умолкнет эхо», у некоторых героев *П. Ю. Тодорова*, *Т. Г. Влайкова* и др.

Если Толстой, моралист и социальный реформатор, оценивался по-разному, то Толстой — художник мирового значения, величайший представитель современного человечества, завоевал себе высокое место в сознании болгарского читателя 1900-х годов. Подтверждением этому может служить проведенная одной из софийских газет анкета о самом любимом болгарском и славянском писателе. Собрав отзывы читателей, газета опубликовала ряд портретов в последовательности, соответствовавшей количеству поданных голосов. «Наша литературная анкета, устроенная по случаю славянского съезда в Софии, закончена, — заявляла редакция, — и мы с сегодняшнего дня — дня открытия съезда — начинаем регулярно помещать портреты славянских и болгарских писателей, получивших наибольшее количество голосов». Из русских писателей первое место заняли Толстой и М. Горький; из болгарских — П. К. Яворов. Под портретом Толстого редакция поместила следующие строки: «Он нравится читателям прежде всего как художник, а затем уже как мыслитель»¹⁹.

В болгарской печати отмечались все «круглые» годовщины жизни и деятельности Толстого — семидесятилетие, семидесятипятилетие и восьмидесятилетие со дня рождения, пятидесятилетие писательской деятельности и пр.²⁰ Особенно широкий общественный резонанс вызвали последние две даты. Отметим одно чрезвычайно существенное обстоятельство: на все эти юбилеи откликалась и социалистическая печать. Революционно-

марксистский журнал «Ново време», издававшийся Д. Благоевым, перепечатывая статью под заглавием «Лев Толстой и социал-демократия», с обозначением «Из „Искры“», выразил с полной определенностью свое отношение к Толстому: высоко оценив его критику собственнического общества, журнал в то же время отмечал, что Толстой является «самым воинственным и вполне сознательным противником социалистического движения»²¹.

В 1907 г. в болгарскую печать проникло известие о праздновании пятидесятилетия литературной деятельности писателя²². В статье «Толстой как литератор и проповедник мира», напечатанной в газете «Вечерна поща», высказывалось недовольство тем, что Нобелевская премия присуждена не Толстому — демократу и гуманисту, а Киплингу — апологету британского империализма²³. Характеризуя огромное влияние Толстого, газета «Ден», орган Объединенной народно-прогрессивной партии, поместила карикатуру, изображавшую борьбу гиганта и пигмеев, напрасно силившихся скрыть его от взоров человечества²⁴. В чествовании Толстого принял участие писатель П. Ю. Тодоров, который еще с 1887 г. выступал в печати с высказываниями о Толстом и его творчестве, в частности об «Анне Карениной»²⁵. Он написал в 1907 г. статью, озаглавленную «Толстой в Болгарии». В подстрочном примечании к статье указано, что она написана «для одной русской газеты по случаю пятидесятилетнего писательского юбилея Толстого»²⁶. Можно предположить, что она предназначалась для газеты «Речь», руководителем которой был П. Н. Милюков, поддерживавший личные отношения с Тодоровым.

Восьмидесятилетие Толстого широко отмечалось в Болгарии. Почти не было ни одной газеты, ни одного журнала, которые не откликнулись в той или иной форме на этот юбилей. Одна газета, отмечая мировое значение Толстого, подчеркнула, что вряд ли какой-либо юбилей мог быть более оправдан, чем юбилей Толстого²⁷. Писатель-демократ А. Страшимиров указал, что чествование Толстого особенно уместно у болгарского народа, выросшего в атмосфере русской мысли. Учение Толстого, по словам Страшимирова, вызвало у части болгарской интеллигенции особого рода «самоуглубление»²⁸. Последователи Толстого издали в эти дни юбилейный сборник «Възраждане», в котором изложено учение русского моралиста и приведены отклики представителей различных идеологических лагерей на вышедшие в Болгарии работы Толстого, а также отмечено его влияние на болгарскую мысль²⁹.

Оценки, которые давались в это время Толстому на страницах правой и левой печати, имеют резко выраженную политическую окраску. Болгарские русофилы консервативной славянофильской ориентации посвятили юбилею Толстого книжку своего журнала «Българска сбирка». В этом издании наряду с перепечаткой многих поздравлений, полученных Толстым от различных лиц и группировок в России и за рубежом, помещены статьи: В. Стойнова «Жизнь и деятельность графа Л. Н. Толстого», Д. К. Попова «Лев Николаевич Толстой», доктора Н. Бобчева «Анатоль Франс о Толстом», К. Чуковского «Толстой как художественный гений», Кармен Сильвы «О Толстом», Н. Атанасова «Драматические произведения Толстого» и т. п. Здесь же помещена и упомянутая выше работа П. Ю. Тодорова «Толстой в Болгарии». Редакционная статья к специальной книжке журнала «Българска сбирка», озаглавленная «Восьмидесятилетие Толстого», выясняет отношение к русскому писателю со стороны лиц, группировавшихся вокруг этого периодического издания. Им отнюдь не был дорог Толстой, критик буржуазного строя и русского самодержавия, отрицатель церкви; они заявляли даже, что «трезвые умы» в России якобы относятся сдержанно к этим сторонам учения Толстого, и видели в русском писателе лишь абстрактного гуманиста; для них он был велик «в своих усилиях найти новые средства для „осчастливления человечества“, в веч-

ных поисках «новых путей и средств к достижению правды и счастья посредством любви»³⁰.

Рабочая печать отмечала заслуги Толстого с совсем иной точки зрения. Журнал «Млад работник», характеризуя Толстого как «великана мысли и дела», в то же время подчеркивал утопизм его учения, враждебное отношение писателя к идеям научного социализма, а также его особый взгляд на революцию 1905—1907 гг. При всем том журнал находил, что сочинения Толстого должны быть прочтены каждым «современником и борцом»³¹.

Выступивший со статьей «Толстой и рабочий класс» (под псевдонимом Каемпфер) марксистский критик *Г. Бакалов* отметил, что пролетариат высоко чтит Толстого, так как последний подверг уничтожающей критике буржуазное общество и тем «усилил ту священную ненависть к существующему строю», которая ведет к революционной борьбе. Но, подчеркнул Бакалов, рабочий класс «не может не отвергнуть учения Толстого», выступающего против борьбы классов. В заключение, повторяя свое утверждение, что Толстой является «противником» рабочего класса, Бакалов заявил, что русский писатель — «такой противник, который является еще большим противником для непосредственных врагов пролетариата — капиталистов»³².

Особое место в чествовании Толстого в 1908 г. заняли писатели, принадлежавшие к кружку «Мисъл» и склонявшиеся к буржуазному либерализму. Именно к ним обратились представители либеральных кругов России с приглашением принять участие в сборнике, посвященном восьмидесятилетию Толстого. Из письма *П. Ю. Тодорова* к жене критика *К. Крыстева* — *Райне Крыстевой* видно, что в 1908 г. Милюков убеждал Тодорова прислать ему материалы для юбилейного толстовского сборника:

«... Возвратившись сюда, я нашел письмо Милюкова, который настойчиво требует, чтобы я послал ему болгарские статьи о Толстом, — писал Тодоров. — Вчера я закончил свою статью, Яворов также дал мне одно свое стихотворение; теперь я хочу, чтобы доктор Крыстев поскорее прислал мне свою статью, а я перешлю уже все это Милюкову. Во имя яснополянского старца, который завершает сегодня восьмидесятый год своей большой, полной взлетов и падений жизни, во имя того великого гнева и наслаждения, которые мы получали при чтении его произведений, дорогая госпожа Крыстева, устройте своему мужу скандал, не давайте ему покоя ни днем ни ночью, наконец, не давайте ему есть, выходить, запирайте его на замок в его комнате и заставьте его не позже конца этой недели во что бы то ни стало хоть что-нибудь написать.

Вчера мы с музыкой проводили Пенчо «Славейкова» в Македонию. И он обещал было приняться за работу и даже что-то начал писать для толстовского сборника, но как только загудели гудки и загрохотал барабан, Пенчо вскочил — и Толстой со своим сборником потерпел полное крушение...»³³

В болгарскую печать того времени проникло известие о «Международном толстовском альманахе», который вскоре вышел в Москве под редакцией *П. А. Сергеевко*³⁴. Поскольку в этом сборнике должны были принять участие такие последователи Толстого, как *Хр. Досев*³⁵, и его намерены были издать в Москве, а не в Петербурге, несомненно, что упомянутые выше болгарские писатели собирались участвовать не в этом, а в другом издании. Еще осенью 1908 г. Тодоров поспешил напечатать в журнале «Българска сбирка» часть статьи, предназначавшейся для сборника, который упомянут в письме к *Райне Крыстевой*. В подстрочной редакционной заметке, сведения для которой, очевидно, были получены от самого Тодорова, мы читаем: «Видные русские писатели вскоре выпустят в свет юбилейный сборник о Толстом, в котором примут участие все знаменитые европейские писатели. Из болгарских писателей в этом сборнике будет

участвовать П. Ю. Тодоров, который напечатает в нем свой очерк „Толстой в Болгарии“»³⁶. Мы уже указывали, что работу с подобным названием Тодоров предназначал для «одной русской газеты» по случаю пятидесятилетнего юбилея писательской деятельности Толстого, и, по-видимому, не получив возможности напечатать ее там, он опубликовал ее в журнале «Мисъл» за 1907 г., возможно, несколько переработав и сократив статью. При публикации в журнале «Българска сбирка» редакцией было указано: «Мы помещаем здесь ту часть очерка, в которой преимущественно рассказывается о том, кем является для автора Толстой».

Доктор К. Крыстев, от которого Тодоров с такой настойчивостью требовал статью для русского сборника, в конце концов выполнил его пожелание. Статья была озаглавлена «Непротивление злу в болгарской литературе». В ней шла речь о последователях Толстого в Болгарии. Крыстев старался доказать воздействие творчества русского писателя на И. Вазова, С. Михайловского, А. Константинова, П. П. Славейкова, П. Ю. Тодорова, Т. Г. Влайкова и других, выискивая у некоторых из них или же у их персонажей идею непротивления злу насилием. Утверждения Крыстева в основном справедливы, но нельзя сказать, что они всегда обоснованны. Крыстев опубликовал свою статью в журнале «Демократически преглед» в следующем, 1909 г. В подстрочном примечании к этой публикации читаем: «Настоящая статья написана для юбилейного сборника, который будет издан в Петербурге специальным комитетом в память восьмидесятилетия Толстого. Здесь она печатается без каких бы то ни было изменений, с прибавкой лишь заметки и заключительных строк, из которых читателю станет ясна причина ее неполноты и отсутствие в ней хорошо известных у нас фактов»³⁷.

Славейков, о котором упоминает в своем письме к Р. Крыстевой Тодоров, два года спустя, в 1910 г., произнес речь на траурном собрании, посвященном памяти Толстого (см. о ней на стр. 431 настоящ. книги).

Остается невыясненным, какое стихотворение дал П. К. Яворов для предполагавшегося в Петербурге толстовского сборника. Возможно, что речь идет о «Славе поэта», хотя имя Толстого в нем прямо не названо³⁸. Стихотворение это проникнуто болью, сдержанным протестом и горькой иронией. Оно, как нам кажется, содержит в себе реминисценции, которые могут быть связаны с трагической участью Пушкина и Лермонтова и с гибелью болгарского писателя А. Константинова, убитого в 1897 г. Мы полагаем также, что возникновение стихотворения следует поставить в связь со статьей Д. С. Мережковского «Лев Толстой», переведенной на болгарский язык по почину П. Ю. Тодорова, писателя из круга Яворова, и напечатанной в газете Радикальной демократической партии «Демократ». В этой статье, рассуждая о славе художника, автор отмечал, что «праздник Толстого исключителен, единственен в веках и в жизни народов», потому что «слава Толстого — первая всечеловеческая слава без крови»³⁹.

К восьмидесятилетнему юбилею Толстого относится еще одно письмо П. Ю. Тодорова, напечатанное в газете «Демократ» вместе с упомянутой выше статьей Мережковского. Письмо это дает некоторое представление об атмосфере, создавшейся в связи с чествованием Толстого в 1908 г. Следует заметить, однако, что, характеризуя отношение болгарской общности к юбилею Толстого, Тодоров явно сгустил краски. Приводим текст письма полностью:

«Господин редактор!

В конце прошлого месяца Россия с религиозным умилением и с чувством беззаветного славянского человеколюбия открыла свои двери и впервые в истории пригласила на мирское торжество весь свет, чтоб отпраздновать с ней вместе восьмидесятилетие Льва Толстого.

«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ» ТОЛСТОГО НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ, ТОМ 8,
«АННА КАРЕНИНА» (СОФИЯ, 1956)

Музей Толстого, Москва

Миллионы почитателей апостола из всех земель и на всех языках направили 28 августа свои думы и сердца на поклонение в Ясную Поляну и все мысленно поздравляли друг друга со счастьем быть его современниками.

Исключением явилась, кажется, одна лишь Болгария — только среди нас не поднимался вопрос о Толстом, только мы в день его рождения не могли оторваться от своих будничных дел и забот, не открыли свои сердца для радости, в которой объединились враждующие между собою люди, целые народы и разные поколения. Все наши газеты, посвящающие длинные колонки каждому уличному скандалу и в течение долгих лет занимающиеся самыми низкими политическими интригами, отметили празднество великого писателя земли русской лишь отдельными отрывками из его сочинений и двумя-тремя анекдотами о нем, заимствованными из безвестных будапештских газет. Наши журналы, осознавшие, что они совершенно не нужны в духовной пустыне нашего общества и либо приостановившиеся совсем, либо еще не пробудившиеся от своей летней дремы, также не нашли нужным выступить в этот день и посвятить Толстому если не какую-нибудь оригинальную, то хотя бы удачно подобранную переводную статью. Ни одним собранием, ни одной речью не был ознаменован у нас этот юбилей, несмотря на то, что едва ли в какой-нибудь другой стране в мире, исключая Россию, произведения Толстого в таком большом количестве читались, переводились и распространялись, как в Болгарии.

Не показывает ли это, что, несмотря на все свои внешние интересы, несмотря на то, что мы жадно прислушиваемся к каждому слову Европы, мы все еще продолжаем оставаться в душе неприрученными варварами,

идолопоклонниками, которым лишь теперь предстоит сокрушить своих земных идолов и познать бога и себя в нем!

Эти мысли охватили меня, господин редактор, когда я принял решение послать вам перевод приложенной здесь статьи, которую я нашел в юбилейном номере русской газеты «Речь»⁴⁰; хотя и с некоторым запозданием, но она заполнит, по моему мнению, чувствительную пустоту в газете «Демократ» и даст возможность многим читателям автора «Воскресения» ознакомиться с несколькими очень хорошими и ценными мыслями о нем.

Переводом статьи я обязан любезности одной из своих знакомых.

С совершенным почтением П. Ю. Т о д о р о в

София. 17 сентября 1908 г.»⁴¹

Отношения между почитателями Толстого в России и кружком «Мисъл» в Болгарии продолжались и в дальнейшем. В 1909 г. А. А. Стахович, лично знакомый с Тодоровым, обратился к нему с просьбой прислать вышедшие в Болгарии статьи по случаю восьмидесятилетия Толстого.

«Многоуважаемый Петко Тодоров!

Общество имени Льва Толстого, устраивающее музей и выставку всего касающегося нашего великого писателя, поручило мне просить вас оказать ему очень для него важное содействие: собрать и выслать все номера газет и журналов (статьи и иллюстрации), вышедшие в Болгарии по случаю восьмидесятилетнего его юбилея 28 августа 1908 г. Адрес: С.-Петербург. Кузнечный пер., 8, редакция газеты „Наша газета“ — А. М. Хирьякову. Для музея Л. Толстого. Общество надеется, что во имя уважения к великому писателю вы не откажетесь исполнить его усердную и покорнейшую просьбу. Если будут какие-либо расходы с вашей стороны, просят вас сделать наложенный платеж на посылку. Так как упомянутая выставка откроется через месяц и желательно, чтобы болгарские газеты были также экспонированы, комитет просит вас, если возможно, поспешить высылкою просимого материала. Пользуюсь случаем крепко позвать вашу руку и послать вам сердечный привет.

Глубоко вас уважающий А. С т а х о в и ч»⁴²

В следующем, 1910 г., вскоре после смерти Толстого, известный историк революционного движения в России В. Богучарский (В. Я. Яковлев) обратился к редакции «Мисъл» с просьбой прислать для музея Толстого те номера журнала, в которых были опубликованы некрологи писателя.

«Милостивый государь господин редактор!

В целях увековечения памяти Льва Николаевича Толстого в России образовалось общество для устройства Дома-музея имени бессмертного писателя. Председателем этого общества состоит Максим Максимович Ковалевский. В музее Толстого предполагается собрать по возможности все написанное не только Толстым, но и о Толстом (на всех языках), а также портреты, бюсты, письма и всякого рода предметы, имеющие отношение к жизни великого писателя русской земли. Вследствие этого имею честь покорнейше просить вас выслать по одному экземпляру тех номеров вашего издания, в которых были статьи о Толстом по случаю его кончины. Выслать эти издания следует на имя секретаря Общества имени Толстого по следующему адресу: Петербург, Владимиру Яковлевичу Мартынову, 10-я Рождественская, № 18.

Примите уверение в совершенном почтении.

Член комитета общества имени Толстого В. Б о г у ч а р с к и й

Покорнейше прошу столичные и провинциальные издания Болгарии перепечатать настоящее письмо»⁴³.

Какие материалы были посланы для Толстовского музея и выставки после получения приведенных писем, установить не удалось, так как ни в архиве Тодорова, ни в архиве журнала «Мисъл» никаких свидетельств об этом не сохранилось.

Отметим, что в связи со смертью Толстого в Софии было устроено траурное заседание, на котором *П. Ю. Тодоров* прочел доклад «Стихия художника», а *П. Славейков* выступил с докладом «Толстой». Тексты обоих этих выступлений были опубликованы лишь впоследствии⁴⁴. Тодоров охарактеризовал универсальную широту интересов Толстого, простоту, яркость и жизненную непосредственность в изображении действительности, предельную глубину в разьяснении характеров и судеб своих героев. В характеристике Толстого как художника Тодоров, однако, не отметил идейную направленность его творчества, его критику социальных несправедливостей и обличительный пафос. Тодоров рассматривал Толстого преимущественно в эстетическом плане. В его докладе встречаются, впрочем, отдельные интересные и верные наблюдения.

Славейков в своем взволнованном писательском «слове» сравнивал Толстого с легендарным ливанским кедром, говорил о значении Толстого в истории мировой культуры. Он указывал на новаторский характер гения Толстого, на его революционную роль, упомянул о конфликте Толстого с русским самодержавием, о его внутренней непримиримости с церковью, подчеркнул понимание писателем народного духа и народной правды. Славейков отводил Толстому место в ряду таких художников, как Гомер, Данте и Шекспир. «Его жизнь была легендой... Легенда эта была легендой русского народа, над которым вьются стаи полицейских воронов; в их злобешем карканье слышится безумный смех Ивана Грозного, а в небесах чернеет тень от пирамиды виселиц Николая второго». Славейков не в состоянии был увидеть объективное содержание толстовского творчества. В своем докладе он не остался чужд мистическим настроениям, метафизическому и эстетскому восприятию и осмыслению творчества Толстого. После Славейкова выступил русский журналист Викторов-Топоров; доклад его не появился в печати и текст его остался неизвестным.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые, хотя и весьма беглые, обобщения. Вся деятельность Толстого, его художественное творчество, общественно-политические взгляды и морально-философское учение вызывали и вызывают в Болгарии последнего десятилетия XIX и первого десятилетия XX в. глубокое восхищение, создают Толстому непререкаемый авторитет. Своей критикой собственнического общества, обличением государственных установлений, отрицанием церкви, страстным гуманизмом и демократизмом, своим высоким искусством Толстой окрылял мысль, вызывал в болгарском народе и творческой интеллигенции стремление к социальному прогрессу, высоким нравственным и эстетическим идеалам. Что же касается реакционных идей Толстого, — то их сочувственно принимали лишь его непосредственные последователи, влияние которых оставалось весьма ограниченным.

Болгарские писатели и литературные критики воспринимали творчество Толстого преимущественно с его сильной стороны — они постигали исключительную мощь и высоту его великого реалистического искусства, одобряли его сближение с народом и ценили значение его деятельности в мировом масштабе. На общественное мнение в Болгарии известное влияние оказала, конечно, и русская критика того времени.

Болгарская социалистическая критика резко выступала против Толстого-социолога, противника революции, отвергая его учение о непротавлении злу, о примирении классов. Однако болгарские социалисты, в общем, придерживались взглядов Плеханова на Толстого. Гениальные

статьи Ленина, заложившего основы подлинно марксистского толстоведения, проникли в Болгарию только в 1930-х годах. И тогда они не только оплодотворили критическую мысль о Толстом, но создали общую и принципиально новую основу и для всего болгарского литературоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. В. Кехлибарова. Толстой у нас.— «Литературен фронт», 1953, № 6.
- ² Г. Константинов. Нашите учители. София, 1959, стр. 164—169.
- ³ Хр. Досев. Възпоменания за Толстой.— «Възраждане», 1908, кн. 7—8;
- Д. Константинов. На гости у граф Толстой.— «Вечерна поща», 1910, № 30 — 32.
- ⁴ А. Опулски. Българските кореспонденти на Л. Н. Толстой.— «Език и литература», 1964, кн. 3, стр. 90—94.
- ⁵ Д. Ризов. На гости у граф Л. Н. Толстой.— «Мисъл», 1900, кн. 3—4, стр. 161—181; Д. Константинов. На гости у граф Толстой.— «Вечерна поща», 1910, № 3230—3233; Ст. Михайловски. «Дневни новини», 1901, № 1121.
- ⁶ «Великит славянин и славянски събор».— «Мир», 1909, № 3031.
- ⁷ П. Ю. Тодоров. Събрани съчинения, т. 3. София, 1958, стр. 447—448.
- ⁸ «Църковен вестник», 1908, № 48, стр. 583—586; «Вера и разум», 1897, № 7—8, стр. 218—222.
- ⁹ Г. Константинов. Нашите учители, стр. 162—164.
- ¹⁰ «Ново време», 1907, кн. 8, стр. 493.
- ¹¹ Венелин (В. Коларов). Из живота и литературата.— «Ново време», 1901, кн. 3, стр. 337—344.
- ¹² «Ново време», 1898, кн. 6, стр. 593—602.
- ¹³ Иван Вазов. Извън България.— «Денница», 1891, кн. 2, стр. 58—59; «Мир», 1899, № 682.
- ¹⁴ Иван Вазов. Събрани съчинения, т. 6. София, 1956, стр. 312.
- ¹⁵ «Периодическо списание», 1890, кн. 32—33, стр. 380—381.
- ¹⁶ «Пловдив», 1901, № 1121; «Мисъл», 1898, кн. 7—8, стр. 425.
- ¹⁷ Ганка Найденова-Стоилова. П. К. Яворов. Летопис за живота творчеството му. София, 1959, стр. 107, 147; П. К. Яворов. Хайдушки купнения. София, 1909, стр. 75.
- ¹⁸ Т. Г. Влайков. Завои. София, 1935, стр. 28—31.
- ¹⁹ «Нова балканска трибуна», 1, 1910, № 292.
- ²⁰ См. «Вести», 1898, № 82; «Новини», 1898, № 95; «Софийски ведомости», 1903, № 112, 116, 118. «Свет», 1902, кн. 1—2, стр. 9—11; «Ново слово», 1902, № 8—9.
- ²¹ «Ново време», 1903, кн. 1, стр. 840.
- ²² «Вечерна поща», 1907, № 2172.
- ²³ «Вечерна поща», 1907, № 2288.
- ²⁴ «Ден», 1908, № 1601.
- ²⁵ П. Ю. Тодоров. Предисловие к кн.: Л. Н. Толстой. Времената са близки. Варна, 1897; В. Велчев. Петко Тодоров и руската литература.— «Език и литература», 1957, кн. 5, стр. 396—397.
- ²⁶ П. Ю. Тодоров. Толстой в България.— «Мисъл», 1907, кн. 9—10, стр. 711.
- ²⁷ «Лев Толстой».— «Народни права», 1908, сентябрь, № 192.
- ²⁸ А. Страшимиров. Юбилеят на Толстой.— «Балканско ехо», 1908, № 19.
- ²⁹ «Възраждане», 1908, кн. 7—8.
- ³⁰ «Българска сбирка», 1908, кн. 8, стр. 494—495.
- ³¹ «Млад работник», 1908, кн. 8—9, стр. 115—117.
- ³² «Съвременник», 1908, кн. 1, стр. 25—30. Болгарские толстовцы обратились к В. Г. Черткову с просьбой возразить Бакалову, который снова выступил по этому вопросу (ср. К—г. Толстой и рабочническата класа.— «Съвременник», 1909, кн. 8—9, стр. 563—566).—К—г — псевдоним Бакалова.
- ³³ Болгарский текст этого письма см. в статье: В. Велчев. Петко Тодоров и руската литература.— «Език и литература», 1957, кн. 5, стр. 402 и сл.
- ³⁴ «Възраждане», 1908, кн. 9, стр. 559—560.
- ³⁵ «Възраждане», 1908, кн. 7—8, стр. 454.
- ³⁶ «Българска сбирка», 1908, кн. 8, стр. 535.
- ³⁷ «Демократически преглед», 1909, кн. III, стр. 308.
- ³⁸ П. К. Яворов. Събрани съчинения, т. I. София, 1959, стр. 230.
- ³⁹ Д. Мерещковски. Лев Толстой.— «Демократ», 1908, № 4, стр. 1—3.
- ⁴⁰ К своему письму Тодоров приложил статью Мережковского, о которой см. выше.
- ⁴¹ «Демократ», 1908, № 4.
- ⁴² ЦДИА (София), ф. 12, оп. 1, ед. хр. 267, л. 1. Письмо на русском языке.
- ⁴³ Там же, ф. 126, оп. 1, ед. хр. 219. Письмо на русском языке.
- ⁴⁴ См. «Златорог», 1920, кн. 3, стр. 197—203 и 1921, кн. 6, стр. 317—325. См. также стр. 432—434 настоящ. книги.